

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ: ВОПРОСЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Подвойская Наталия Леонидовна, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
Российская Федерация, 119049, г. Москва, Ленинский пр-т, 4
E-mail: n.podvoyskaya@isis.ru

Предпринята попытка обратить внимание на некоторые аспекты различий в исследованиях политической культуры в западной и российской политологической традиции. Подчёркивается, что в работах западных исследователей рассматривается широкий комплекс проблем, касающихся политической культуры. Большинство авторов в трудах по политической культуре обращаются к концептуальным разработкам американских политологов второй половины XX в. Обращено внимание на то, что многие диссертационные исследования, выполненные российскими авторами в конце XX – начале XXI в., имеют эмпирическую направленность. Они посвящены изучению политической культуры конкретных общностей либо анализируют российскую политическую культуру в целом.

Ключевые слова: Г. Гердер, Г. Алмонд, Запад, Россия, государство, власть, глобализация, политика, культура, политическая культура, концепция

THEORETICAL COMPREHENSION OF POLITICAL CULTURE IN THE WEST AND IN RUSSIA: PROBLEMS OF COMPARATIVE STUDIES

Podvoyskaya Nataliya L., Ph.D. (Politics), Associate Professor
National University of Science and Technology MISIS
4 Leninsky Ave., Moscow, 119049, Russian Federation
E-mail: n.podvoyskaya@isis.ru

The article attempts to draw attention to some differences in political culture studies in the western political science tradition and in the Russian one. It is emphasized that in the Western researchers studies a wide range of problems concerning political culture is being considered. Most of the authors in their political culture studies refer to the American political scientists conceptions of the second half of the XXth century. Attention is drawn to the fact that many theses carried out by Russian authors in the late XX – early XXI centuries have an empirical focus. They are devoted to the political culture of specific communities study or analyze the Russian political culture as a whole.

Keywords: G. Herder, G. Almond, West, Russia, state, authority, globalization, politics, culture, political culture, conception

История общественной мысли даёт нам ряд примеров того, что сначала возникает тот или иной феномен, а потом он получает оформление в виде термина / понятия. Так было, например, с философией, этикой, эстетикой, культурой, политикой, элитологией. Точно так же произошло и с политической культурой.

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что имеется достаточно тесная связь между политической культурой и элитологией. Дело в том, что, как традиционно считается, исследование политической культуры лежит в сфере политологии. И это действительно так. Но в наше время вопросами политической культуры занимается и сравнительно молодая научная дисциплина элитология, которая «прочно обретает своё место в ряду не только социальных и политических наук, но и гуманитарных наук. Это стало возможным благодаря гуманитаризации самой этой науки, её обращения к проблеме человека. Движение общего развития человечества в сторону информационного общества с открытыми политическими и культурными системами заставляет общественные науки всё больше гуманизоваться, подчинять общечеловеческим ценностям социальные и политические интересы» [9, с. 7].

Автор цитируемой работы назвал элитологию самой перспективной наукой конца XX столетия [работа издана в 1999 г. – *Н.П.*]. И он оказался прав, поскольку к исходу второго десятилетия XXI в. элитология уже практически полностью конституировалась как самостоятельная научная дисциплина. Сегодня на авансцене гуманитарных и обществоведческих наук элитология позиционирует себя настолько уверенно, что «вполне может претендовать

на междисциплинарный статус со своими “выходами” в социологию, политологию, психологию, экономику и теорию управления» [16, с. 261]. Этот факт уже настолько очевиден, что даже говорится об элитологической парадигме в политической науке и возможности претендования элитологии на парадигмальный статус в современном социально-гуманитарном знании и познании [16].

Элитология активно занимается вопросами культуры (элитарной и массовой), а политическая элитология занимается вопросами политической культуры (культуры политических элит и культуры масс). Но в данной статье мы осуществляем самый общий подход политической культуре так, как он сложился в исследованиях западных и российских учёных, не акцентируя своё внимание на собственно элитологических исследованиях по данному вопросу. Наш «реверанс» в начале статьи в сторону элитологии связан с тем, что мы хотели подчеркнуть, что феномен политической культуры в наши дни может быть исследован не только в рамках политологической парадигмы, но и в рамках парадигмы элитологической.

Следует отметить, что термин «политическая культура» впервые был употреблён ещё в XVIII в. немецким философом-просветителем И.Г. Гердером. Этот термин или, по крайней мере, данное словосочетание дважды употребляется в труде И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» при рассмотрении политической жизни древних евреев (ч. 3, кн. 12. III. Евреи) [5, с. 333] и греков (ч. 3, кн. 13. IV. Нравственная и государственная мудрость греков) [5, с. 368].

Причем контекст применения термина «политическая культура» в данном случае весьма близок к понятиям «воспитание», «культурное воздействие», и его употребление здесь носит скорее случайный, нежели закономерный характер, так как даже сам термин «культура» ещё только начинал появляться в XVIII в., и его использование в социально-этическом значении носит несистематический характер. Поэтому вполне понятна и нераспространённость термина «политическая культура» после первого его появления.

Стоит также подчеркнуть, что в понимании И.Г. Гердера политическая культура была тесно связана с социальной культурой. Поэтому в его творчестве достаточно многое из того, что относится к социальной культуре, относится также и к политической культуре, понимаемой в широком смысле: как социальная организация, как разделяемые всеми символы и ценности, как обычаи и нормы совместной деятельности.

По проблеме политической культуры существует огромное количество работ, как в рамках теории политики, так и истории политических учений. Политическая культура, начиная со времен своего оформления в науку и до наших дней, является одним из самых исследуемых концептов политологии. Идеи о взаимосвязи политики и культуры встречаются ещё в трудах Конфуция, Платона, Аристотеля, Сенеки, Н. Макиавелли, М. Монтеня, Ш.-Л. Монтескье, А. де Токвиля, И.Г. Гердера и др.

В XIX в. словосочетание «политическая культура» встречается у русского историка и политического мыслителя В.И. Герье [5, с. 165]. Позже это словосочетание употреблял В.И. Ленин. Так, в 1920 г., выступая на Всероссийском совещании политпросветов, он обращал внимание на то, что «цель политической культуры, политического образования – воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков» [12, с. 404].

Однако ещё раз подчеркнём, что в трудах данных мыслителей «политическая культура» не использовалась как концептуальное понятие.

Систематическое употребление самого понятия «политическая культура» началось в 50-е гг. XX в., несмотря на то, что о существовании этого феномена было известно ещё мыслителям Древнего Востока (Китая) и Античности. Ещё раз отметим, что у Конфуция, Платона, Аристотеля, Сенеки, уже встречаются представления о ценностях, настроениях, влияющих на характер политики, действия властей и т.д. Мыслители Возрождения (в частности, Н. Макиавелли, М. Монтень) и европейские просветители также приложили немало усилий, чтобы объяснить взаимозависимость реальной политики и представлений о ценностях, традициях, нормах и т.д. у её субъектов [3, с. 16].

Однако только в 1956 г. впервые была предпринята попытка сформулировать концепцию политической культуры. Этот год ознаменовался появлением сразу двух работ:

1) книга профессора Х. Файнера «Системы правления великих европейских государств» которая имела подзаголовок «Сравнительное исследование систем правления и политической культуры Великобритании, Франции, Германии и Советского Союза» (однако в этой работе не содержалось какого-либо определения политической культуры);

2) статья известного американского политолога Г. Алмонда «Сравнительные политические системы», в которой он сформулировал основные понятия, структурные элементы политической культуры: а) «познавательные ориентации» (знание о политической системе, её ролях и носителях ролей); б) «эмоциональные ориентации» (чувства, испытываемые к политической системе, её функционированию и тем, кто её олицетворяет); в) «оценочные ориентации» (представления и суждения о политических объектах, опирающиеся на ценностные стандарты и критерии в сочетании с информацией и эмоциями) [1]. Так что вполне определённо можно сказать, что если термин / понятие «политическая культура» введён И.Г. Гердером, то первое определение этого термина / понятия принадлежит Г. Алмонду.

В статье «Сравнительные политические системы» Г. Алмонд называет политической культурой «определённый образец ориентации на политические действия», в который встроена всякая политическая система. Позднее в книге «Гражданская культура» (в соавторстве с С. Вербой) Г. Алмонд уточняет свои представления о политической культуре и рассматривает её как совокупность ценностей, мнений, обычаев и традиций. В работах западных исследователей рассматривается широкий комплекс проблем, касающихся политической культуры, начиная от определения понятия до анализа структурных компонентов и т.д.

Однако об оформлении разрозненных идей в концепцию политической культуры и, как следствие, её значимости как полноправного подраздела политологии можно говорить с середины XX в. Сразу же стоит оговориться, что в тот период исследования велись преимущественно на Западе, а родиной концепции политической культуры можно назвать США, так как именно американские учёные Г. Алмонд и С. Верба первыми определили понятие политической культуры, наметили границы его исследования и разработали типологию.

Актуальность теорий и концепций американских политологов второй половины XX в. объясняется, прежде всего, тем, что американская школа была и остаётся на данный момент наиболее влиятельной в изучении проблем политической культуры. Исследования политической культуры в американской политической мысли второй половины XX в. представляют значительный интерес, поскольку: во-первых, среди западных исследователей этой проблемы американские составляют большинство; во-вторых, их труды представляют собой более или менее логически завершённые в теоретическом плане конструкции; в-третьих, на основе своих концепций предложили типологии политической культуры; в-четвертых, они первыми предприняли попытку дать чёткое определение политической культуры, однако американским политологам так и не удалось выработать единого общепризнанного определения.

По этому поводу уместно вспомнить известную мысль Гегеля о том, что чем богаче по своему содержанию какое-либо явление, тем сложнее дать ему дефиницию. А понятие «политическая культура» как раз из таких богатых по содержанию феноменов. Примерно в это же время (середина XX в.) проблемой политической культуры занимаются во многих европейских странах (Франции, Англии, Голландии, Германии и др.). В 80–90-х гг. XX в. эта тема начинает активно развиваться и в научной мысли России.

В 1991 г. В.И. Коваленко обращал внимание на то, что «если мы будем рассматривать вопросы становления западной политической культуры, мы увидим, что изначально импульсы здесь были заданы либеральной, индивидуалистической позицией. Наша основа – в коллективистских, социалистических установках марксизма. Наступила пора для исторических сравнений? Несомненно, и итоги не в нашу пользу» [11, с. 31]. В 1994 г. К.С. Гаджиев констатировал, что несмотря на очевидную значимость политической культуры для понимания мира политического, в нашей обществоведческой литературе она ещё не получила дальнейшего освещения. Те работы, в которых она так или иначе затрагивается, посвящены в основном критическому анализу буржуазных концепций политической культуры [4, с. 334].

Заметим, что подобное освещение (через критический анализ) в нашей научной литературе (особенно в советские времена) было характерным, можно сказать, традиционным отношением к социологии, политологии, элитологии.

С тех пор ситуация изменилась и, как отмечал Ф.М. Бурлацкий, в нашей литературе понятие «политическая культура» завоевывает всё большее признание. По его мнению, политическая культура – это составная часть общей культуры человечества, включающая те элементы духовной культуры, которые связаны с уровнем и характером общезначимых политических знаний, оценок и действий граждан, обусловленных политическим опытом предшествующих поколений и воспроизводством в ходе текущей политической жизни. Уровень политической культуры общества позволяет судить об уровне его политической зрелости.

Несомненно, политическая культура масс, групп и руководителей должна стать предметом особых исследований, поскольку именно она влияет на формирование и функционирование политических институтов, на принятие, восприятие и выполнение решений [2, с. 34].

Проведённый нами в диссертационном исследовании «Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века» [14] анализ литературы по политической культуре позволяет сгруппировать работы отечественных авторов, выполненные в конце XX – начале XXI в., следующим образом: 1) исследования, посвящённые политической культуре России в целом и российского общества; 2) исследования, акцентирующие внимание на политической культуре конкретных российских регионов, округов и т.д.; 3) исследования, сосредоточивающиеся на изучении политической культуры других стран; 4) исследования, объектом которых выступает политическая культура отдельных социальных и профессиональных групп людей.

Следует заметить, что проблема взаимовлияния политической культуры и политического менталитета, проанализированная в нашем диссертационном исследовании, носит комплексный характер, чем обуславливается её рассмотрение на стыке нескольких научных дисциплин: политологии, культурологии, социологии, психологии, философии, этнологии и др. Обращает на себя внимание тот факт, что многие диссертационные исследования, выполненные российскими авторами в конце XX – начале XXI в., имеют чётко выраженную эмпирическую направленность. Они посвящены изучению политической культуры конкретных общностей (социальных, профессиональных, региональных и т.д.), либо анализируют российскую политическую культуру в целом. Как правило, в первых главах подобных работ нашему вниманию предстают самые общие представления о политической культуре, причём наличествующие главным образом в отечественной литературе.

Практически во всех научных трудах по политической культуре авторы, так или иначе, обращаются к концептуальным разработкам именно американских политологов второй половины XX в. Такие работы ценны, прежде всего, тем, что в них в большей или меньшей степени анализируются концепции американцев, проводится их критический анализ и т.д. Особый интерес с этой точки зрения при изучении политической культуры представляли работы таких исследователей, как О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Дука, О.Ю. Малинова, Р. Формизано, Е.Б. Шестопал, А.А. Шириняц, Э.Я. Баталов, Ю.С. Пивоваров и др.

Обратим внимание на точку зрения Ю.С. Пивоварова, который представляется нам одним из самых жёстких критиков современной российской политической культуры. Он, к примеру, отмечает, что в нашей стране господствует «самодержавная политическая культура». Её главная характеристика – властечцентричность. Причём «власть» должна писаться с большой буквы – «Власть». Она – ведущее действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования – царь, император, генсек, президент. Важно также подчеркнуть, что эта Власть всегда персонифицирована, т.е. обязательно предполагает определённого её носителя (в отличие от этого на Западе власть имеет абстрактную природу – отделена, независима от правителя, не является его личной прерогативой) [выделено Ю.С. Пивоваровым – *Н.П.*]. [13, с. 17].

Россия, продолжает «нагнетать обстановку» Ю.С. Пивоваров, в полном объёме управляется персонифицированной Властью. Однако реальные административные задачи требуют, «предполагают» наличие «посредствующих властей», «подчинённых властей», «средних проток.., через которые действует власть государства». То есть суверенитет находится в руках у Власть, а «посредствующие власти» имеют «свою компетенцию» и определённые полномочия. Здесь действует принцип разделения властей [13, с. 19].

Следующая мысль Ю.С. Пивоварова воспринимается как констатация вполне очевидного положения вещей: в России правительство – всегда «исполнительная власть» при Власти. Слегка меняются лишь технологии, с помощью которых составляется такая диспозиция. Да и то, в общем и целом, даже технологии схожи. Это он о прошлом России. В нашей Российской Федерации самостоятельного правительства тоже нет. «Силовые» министерства (и МИД) напрямую подчинены Президенту, остальные – под контролем Администрации. Вновь правительство – функционально, а не «субстанционально» [13, с. 27]. А это о настоящем России. Что и говорить, сказано достаточно жёстко, но по большому счёту возразить трудно. Во всяком случае, мы пока не находим каких-то убедительных контраргументов.

В более мягкой форме, но по сути дела, почти об этом же говорит и Ю.В. Ирхин, который в числе характерных особенностей политической культуры российского общества выделяет: 1) этатизм, признание безусловного приоритета государства в регуляции всех общественных отношений; 2) неразвитость гражданского общества и, соответственно, слабость инициатив «снизу»; 3) преобладание групповой справедливости над принципами индивидуальной свободы и нравственный характер требований к государству; 4) персонализация государственной власти, поиск харизматических лидеров; 5) недооценка и недоверие к правовым способам регуляции общественных отношений; 6) отсутствие опыта использования демократических институтов; 7) большое количество разнообразных политических структур, их противоречивость; 8) недостаточный уровень согласия в обществе о его основных политических ценностях, фрагментарность политической культуры [8, с. 263].

На наш взгляд, необходимо также отметить и следующее.

Конец XX и начало XXI в. ознаменовались тем, что окончательно наступила эпоха глобализации и тем, что сложился новый миропорядок, связанный со становлением однополярного мира, чему способствовали уход с исторической арены Советского Союза, с одной стороны, и непомерные амбиции США на единоличное лидерство в мировой политике – с другой. Но эта ситуация продлилась не очень долго. Поворотным пунктом в мировой политике стала мюнхенская речь В.В. Путина 10 февраля 2007 г. на конференции по вопросам безопасности. Он жёстко раскритиковал модель однополярного мира, неоправданное применение силы в отношении других государств, продвижение НАТО на восток, внешнюю политику США.

Как справедливо отмечает В.А. Гуторов, нельзя отрицать того факта, что специфический характер нового миропорядка продолжает влиять на постепенную трансформацию политической власти и политической культуры в направлении их униформизации в различных регионах. Это проявляется, например, в результате новых форм взаимоотношения между Западом и посткоммунистическими странами [7, с. 13]. И далее, В.А. Гуторов даёт некоторое сравнение между западной политической культурой и политической культурой современной России: 1) ведущая тенденция западной политической культуры состоит в её «деполитизации», т.е. в выкорчевывании политических и моральных вопросов из социальной жизни, являющемся результатом обладания техническими средствами, а также роста производительности и эффективности. «Инструментальный рассудок», возникающий как побочный продукт деполитизации, гарантируется влиянием СМИ на культурные традиции низших социальных слоёв, на региональные и национальные меньшинства, которые загоняются в прокрустово ложе «упакованной культуры» при помощи информационного обмана [7, с. 14]; 2) что касается современной России, то предполагаемые отечественными и зарубежными учёными различные интерпретации сформировавшейся в ней политической культуры как правило опосредуются идеями новой корпоративной политики. По мнению английского политолога Р. Саквы, описывающего российский политический ландшафт, в данном случае предпочтительно использование понятия «режимная демократия». Он считает, что неполная демократизация в России привела к возникновению гибридной системы, объединяющей демократию и авторитаризм [7, с. 15]. В.А. Гуторов призывает избегать крайних оценок, которые часто сопровождают анализ политического процесса в современной России (как, впрочем, и в посткоммунистическом регионе в целом), и определяет общие тенденции эволюции отечественной политической культуры, которая отражает влияние идеи и практики глобализации на местные элиты.

Основные тенденции таковы: 1) приняв на вооружение концепцию быстрой либерализации экономики и политической системы в рамках новой версии «догоняющей модернизации»

посткоммунистические лидеры лишились преимуществ поддержки со стороны сильного государства для преодоления трудностей переходного периода; 2) если посткоммунистические режимы в Европе могут компенсировать слабость демократических традиций путём интеграции в структуры Евросоюза, то Россия оказалась обречённой на имитацию соответствующих западных образцов потому, что была разрушена её естественная консервативная основа – традиции централизованной авторитарной системы управления; 3) единственной «компенсаторной формой» стала предельная политизация социальной жизни, сведённой к потокам телепропаганды, которые политики «новой волны» выливают на население, неспособное на данном этапе самостоятельно выбраться из пропасти острейшего экономического кризиса; 4) глобализация усиливает традиционные дилеммы единства и многообразия, универсализма и партикуляризации, космополитизма и чувства национальной принадлежности. Все эти дилеммы имеют помимо всего политического, культурное, этическое и психологическое измерения. Трудности демократической трансформации в России демонстрируют тот факт, что глобализация не может рассматриваться как эквивалент вестернизации, поскольку поиск новой национальной идентичности является неизбежным следствием первой [7, с. 16].

К этим тенденциям можно добавить и такую тенденцию: претензии на руководство процессами демократизации и новой волны модернизации блокируются установками и схемами действий прежней политической культуры и отсутствием новой системы ценностей, предлагаемых время от времени новой элитой. Вряд ли в качестве таковых могут выступать чужие и чуждые образцы и проекции неудовлетворенных амбиций и комплексов, сформировавшихся в прежней социально-политической системе [17, с. 13].

А.М. Старостин прав, утверждая, что изменить наблюдаемые тенденции в сторону большей открытости, публичности и профессионализма возможно в полной мере только в том случае, если удастся задействовать факторы элитной рекрутации и элитной социализации, характерные для демократической политической культуры [17, с. 14]. Мы полагаем, что эту мысль А.М. Старостина вполне можно отнести и к тенденциям, выделенным В.А. Гуторовым. Заметим, что статья В.А. Гуторова впервые было опубликована в 2006 г. Однако, на наш взгляд, эти общие тенденции сохранились и до сих пор.

В следующем, 2007 г., как мы уже отмечали, сильно прозвучала речь В.В. Путина, которая, по словам генерального директора Центра политической информации А.А. Мухина, запустила процесс суверенизации российской политики. Разумеется, что подобная независимая позиция России многим на Западе не понравилась. И после Мюнхена в западных СМИ начали нарастать русофобские настроения, а Путин и Россия стали целью информационной войны, которая десять лет спустя приобрела невиданные масштабы. «Персона Путина стала демонизироваться, – подчеркнул Мухин, – а Россия встречала сильное сопротивление со стороны западного истеблишмента по всем направлениям». Кульминацией этого процесса стали антироссийские санкции. Однако, вопреки усилиям Запада, Россия вернула себе возможность «проводить независимую внешнюю политику» [13].

Как заметил один из исследователей, «Путин – это лидер многополярного мира, первым инициировавший борьбу за новую архитектуру безопасности, критик адептов глобального управления из единого центра» [10, с. 157].

Современные исследования по проблемам политической культуры России должны учитывать и факты нового миропорядка, и принципиальную позицию России в мировой политике. При этом следует иметь в виду (и это находит отражение в политической культуре масс), что население в подавляющем большинстве позитивно оценивает усилия руководства страны в международной политике. Но гораздо более критично оно оценивает ситуацию во внутренней жизни, интуитивно улавливая, а на жизненно-практическом уровне, остро ощущая некий, а скорее, явный дисбаланс в адекватности постановки целей и оптимального выбора путей для их достижения через решение определённых задач.

В своей статье мы не ставили задачей дать полное и широкое сопоставление политической культуры на Западе и в России. Мы старались решить задачу более скромную: обратить внимание на некоторые аспекты различий в исследованиях политической культуры в западной и российской политологической традиции. Это важно и даже необходимо, поскольку, на наш

взгляд, решению практических задач в политике должно предшествовать теоретическое осмысление основных понятий политических процессов и явлений.

Список литературы

1. Almond, G. Comparative political systems / G. Almond // *The Journal of politics*. – 1956. – Vol. 18, № 3.
2. Бурлацкий, Ф. М. О политической науке: Избранные произведения / Ф.М. Бурлацкий. – Москва : Московский ун-т, 2013. – 328 с. – (Библиотека факультета политологии МГУ).
3. Войтенко, В. П. Политическая культура россиян: особенности современной трансформации (социологический анализ) / В. П. Войтенко. – Москва, 2004.
4. Гаджиев, К. С. Политическая наука / К. С. Гаджиев. – Москва : Сорос – Междунар. отношения, 1994. – 400 с. – (Программа «Обновление гуманитарного образования в России»).
5. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – Москва, 1977.
6. Герье, В. И. Республика или монархия установится во Франции? / В. И. Герье // *Сборник государственных знаний* / под ред. В. М. Безобразова. – Санкт-Петербург, 1877. – Т. 3.
7. Гуторов, В. А. Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации / В. А. Гуторов // *Политика: наука, философия, образование*. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2011. – 516 с.
8. Ирхин, Ю. В. Социология культуры / Ю. В. Ирхин. – Москва : Экзамен, 2006. – 525 с.
9. Карабущенко, П. Л. Антропологическая элитология / П. Л. Карабущенко. – Москва – Астрахань, 1999. – 231 с.
10. Карабущенко, П. Л. В.В. Путин: современное политическое лидерство и проблемы национальной безопасности / П. Л. Карабущенко // *Вопросы элитологии: философия, культура, политика* – 2016. – Астрахань, 2016. – 168 с.
11. Коваленко, В. И. Выступление на круглом столе «Реформы в СССР и политическая культура: взаимозависимость и взаимодействие» / В. И. Коваленко // *Политология: к осмыслению национальных интересов России*. – Москва : Московский ун-т, 2016. – 704 с. – (Библиотека факультета политологии МГУ).
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 41.
13. Пивоваров, Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении / Ю. С. Пивоваров. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. – 168 с. – (Серия «Россия. В поисках себя...»).
14. Подвойская, Н. Л. Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века / Н. Л. Подвойская. – Москва, 2009. – 154 с.
15. Проверена временем: как звучит знаменитая Мюнхенская речь Владимира Путина 10 лет спустя. 10 февраля 2017. – Режим доступа: <https://ru.rt.com/7num>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Старостин, А. М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений / А. М. Старостин. – Ростов-на-Дону : СКАГС, 2009. – 564 с.
17. Старостин, А. М. Философия элитологии: статус научного направления и базовые проблемы / А. М. Старостин // *Философия элитологии / науч. ред. проф. А. М. Старостин*. – Ростов-на-Дону : Донское книжное издательство, 2013. – Т. 3. – 420 с.

References

1. Almond G. Comparative political systems. *The Journal of politics*, 1956, vol. 18, no. 3.
2. Burlatskiy F. M. *O politicheskoy nauke: Izbrannye proizvedeniya* [About Political Science: Selected Works]. Moscow, Moscow State University Publ., 2013, 328 p.
3. Voytenko V. P. *Politicheskaya kultura rossiyan: osobennosti sovremennoy transformatsii (sotsiologicheskiy analiz)* [Political culture of Russians: features of modern transformation (sociological analysis)]. Moscow, 2004.
4. Gadzhiev K. S. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Moscow, Soros – Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1994, 400 p.
5. Gerder I. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Mankind]. Moscow, 1977.
6. Gere V. I. *Respublika ili monarkhiya ustanovitsya vo Frantsii?* [Will a republic or monarchy be established in France?]. *Sbornik gosudarstvennykh znaniy* [Collection of state knowledge]. Ed. by V. M. Bezobrazova. St. Petersburg, 1877, vol. 3.
7. Gutorov V. A. *Politicheskaya kultura i politicheskaya vlast v epokhu globalizatsii* [Political culture and political power in the era of globalization]. *Politika: nauka, filosofiya, obrazovanie* [Politics: science, philosophy, education]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011, 516 p.
8. Irkhin Yu. V. *Sotsiologiya kultury* [Sociology of culture]. Moscow, Ekzamen Publ., 2006, 525 p.
9. Karabushchenko P. L. *Antropologicheskaya elitologiya* [Anthropological elitology]. Moscow – Astrakhan Publ., 1999, 231 p.

10. Karabushchenko P. L. V.V. Putin: sovremennoe politicheskoe liderstvo i problemy natsionalnoy bezopasnosti [V.V. Putin: Modern Political Leadership and Problems of National Security]. *Voprosy elitologii: filozofiya, kultura, politika – 2016* [Questions of elitology: philosophy, culture, politics – 2016]. Astrakhan, 2016, 168 p.
11. Kovalenko V. I. Vystuplenie na kruglom stole "Reformy v SSSR i politicheskaya kultura: vzaimozavisimost i vzaimodeystvie" [Speech at the round table "Reforms in the USSR and Political Culture: Interdependence and Interaction"]. *Politologiya: k osmysleniyu natsionalnykh interesov Rossii* [Political Science: on Understanding Russia's National Interests]. Moscow, Moscow State University Publ., 2016, 704 p.
12. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Vol. 41.
13. Pivovarov Yu. S. *Russkaya politika v ee istoricheskoy i kulturnoy otnosheniyakh* [Russian politics in its historical and cultural relations]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2006, 168 p.
14. Podvoyskaya N. L. *Kontsept politicheskoy mentaliteta v amerikanskoj politologii vtoroy poloviny XX veka* [The concept of political mentality in American political science of the second half of the 20th century]. Moscow, 2009, 154 p.
15. *Proverena vremenem: kak zvuchit znamenitaya Myunkhenskaya rech Vladimira Putina 10 let spustya. 10 febralya 2017* [Tested by time: the sound of the famous Munich speech of Vladimir Putin 10 years later. February 10, 2017]. Available at: <https://ru.rt.com/7nym>.
16. Starostin A. M. *Filosofskie innovatsii: kontseptsiya i osnovnye sfery proyavleniy* [Philosophical Innovations: Concept and Main Areas of Manifestation]. Rostov-on-Don, SKAGS Publ., 2009, 564 p.
17. Starostin A. M. *Filosofiya elitologii: status nauchnogo napravleniya i bazovye problemy* [Philosophy of elitology: status of a scientific direction and basic problems]. *Filosofiya elitologii* [Philosophy of elitology]. Ed. by A. M. Starostin. Rostov-on-Don, Donskoy book Publ., 2013, vol. 3, 420 p.